

УДК 141.2:116(100)(575.2)
DOI: 10.36979/1694-500X-2025-25-2-86-95

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ГЛОБАЛЬНОГО МИРА И КЫРГЫЗСТАН

Ж.К. Урманбетова

Аннотация. Рассматриваются тенденции развития глобального мира в контексте философского анализа кризиса рационализма как доминирующего образа мышления в период технологического детерминизма. Глобализация, преподносимая объективной тенденцией развития бытия, представляется вызовом современной истории, актуализирующей универсальные ценности. В связи с таким определением направленности глобализации, спровоцировавшей ответную реакцию в виде всплеска процессов идентификации, особое значение приобретает феномен постглобализации. При этом основным ракурсом преобразования хода истории мыслится необходимость кардинальной смены системы ценностей, актуализации интуиции целостности человеческого развития. На данном этапе человеческой истории экзистенциальные нити бытия находятся в интуитивном подходе не только к решению проблем, но и к определению дальнейшей стратегии развития. Автор акцентирует внимание на важности рассмотрения развития Кыргызстана в контексте основных тенденций эволюции глобального мира. При этом существенное внимание уделяется историческому наследию в контексте культурно-исторических архетипов как ретрансляции исторического наследия.

Ключевые слова: мир; тенденции; глобализация; универсальные ценности; постглобализация; историческое наследие; культурно-исторический архетип; Кыргызстан; кочевой образ мышления.

КЫРГЫЗСТАН ЖАНА ГЛОБАЛДУУ ДҮЙНӨ ӨНҮГҮҮСҮНҮН БАГЫТТАРЫ

Ж.К. Урманбетова

Аннотация. Глобалдык дүйнөнүн өнүгүү тенденциялары технологиялык детерминизм мезгилиндеги үстөмдүк кылуучу ой жүгүртүү ыкмасы катары рационализм кризисин философиялык талдоо контекстинде каралат. Болмуштун өнүгүүсүнүн объективдүү тенденциясы катары көрсөтүлгөн ааламдашуу универсалдык баалуулуктарды актуалдаштыруучу заманбап тарыхка чакырык болуп көрүнөт. Идентификациялык процесстердин күчөшү түрүндөгү реакцияны пайда кылган глобалдашуу багытынын ушул аныктамасына байланыштуу постглобалдашуу феномени өзгөчө мааниге ээ. Ошону менен бирге, тарыхтын жүрүшүн өзгөртүүнүн негизги багыты – адамзаттын өнүгүүсүнүн бүтүндүгүнүн интуициясын жаңылоо, баалуулуктар системасын түп-тамырынан бери өзгөртүү зарылчылыгы болуп саналат. Адамзат тарыхынын азыркы этабында болмуштун экзистенциалдык жиптери көйгөйлөрдү чечүүдө гана эмес, андан аркы өнүгүү стратегиясын аныктоодо да интуитивдик мамиледе турат. Ошол эле учурда тарыхый мурастын эстафетасы катары маданий-тарыхый архетиптердин контекстинде тарыхый мураска олуттуу көңүл бурулууда.

Түйүндүү сөздөр: дүйнө; тенденциялар; ааламдашуу; универсалдуу баалуулуктар; постглобализация; тарыхый мурас; маданий-тарыхый архетип; Кыргызстан; көчмөн ой жүгүртүүсү.

GLOBAL WORLD DEVELOPMENT TRENDS AND KYRGYZSTAN

Zh.K. Urmanbetova

Abstract. The article considers the trends of development of the global world in the context of philosophical analysis of the crisis of rationalism as a dominant way of thinking in the period of technological determinism. Globalization, presented as an objective trend of development of being, seems to be a challenge of modern history, actualizing universal values. In connection with such definition of the direction of globalization, which provoked a response in the form of a surge in identification processes, the phenomenon of post-globalization acquires special significance. At the same time, the main perspective of transformation of the course of history is considered to be the need for a radical change in the system of values, actualization of the intuition of the integrity of human development. At this stage of human history, the existential threads of being are in an intuitive approach not only to solving problems, but also to

determining the further development strategy. The author focuses on the importance of considering the development of Kyrgyzstan in the context of the main trends of development of the global world. At the same time, significant attention is paid to the historical heritage in the context of cultural and historical archetypes as a relay of the historical heritage.

Keywords: world; trends; globalization; universal values; post-globalization; historical heritage; cultural and historical archetype; Kyrgyzstan; nomadic way of thinking.

Введение. Глобальный современный мир – это мир высоких технологий, высокого темпа развития, как и высокого темпа времени. Основной контекст нашего мира – это высокие технологии как следствие абсолютизации рационального способа мышления и существования. В этой связи особый интерес вызывает философский ракурс исследования глобальных изменений, предполагающий анализ произошедших перемен в категориальном обосновании бытия и человека во второй половине XX в., что, безусловно, повлияло на формирование тенденций развития мира. Что выходит на первый план как парадигма эпохи, центральная проблема существования? Универсальные ценности, универсальные нормы мышления и универсальные стандарты существования. Многие учёные отмечают, что глобализация, как объективная тенденция развития человечества, реализовала свой вызов в контексте некоторой абсолютизации единства мира [1]. Современный мир раскрывает своё существование во взаимосвязи *глобализации* и *процессов идентификации* как параллельных и одновременно пересекающихся тенденций развития бытия. Глобализацию необходимо рассматривать как вызов современной истории, определяющий контекст существования государств в едином историческом пространстве и одновременно сталкивающий универсальные ценности как проекцию стандартов технологического восприятия мира с этнонациональными как вариантами транскрипции единого в системах культуры различных народов.

Такая постановка вопроса на соотношение глобализации как основополагающей тенденции развития мира и стратегии и тактики существования отдельных государств. В таком случае становится понятным всплеск процессов идентификации на фоне актуализации философии космополитизма, ориентированной на отражение взаимосвязи и единого мира универсальных ценностей, стереотипов мышления и стандартов

поведения. Рост таких процессов обозначил переход глобализации в постглобализацию как диалектически нового этапа развития человеческой истории. По мнению многих исследователей, постглобализация и есть результат формирования ответов на провозглашённый вызов глобализации. Количественный и качественный рост процессов идентификации, которые можно наблюдать в контексте совершенно различных проявлений человеческой сути – политической, культурной, национальной, религиозной, гражданской и других форм определённости человека, позволяет не только раскрывать существование многополярного мира, что является отражением объективной реальности, но и проецировать углубление дифференциации внутреннего существа личности. Одним из наиболее ярких процессов современного мира стал кризис идентичности, находящий своё проявление практически во всех формах, в особенности гражданской, этнической, культурной, религиозной, политической, духовной [2].

В этой связи органичным выглядит интерес к Кыргызской Республике как отдельной геополитической единице. Какова специфика процессов идентификации, протекающих у нас и проецирующих предпочтения в обозначении населением своей сущности. Какой ответ на вызов истории формируется в рамках общества и государства в Кыргызстане? Коллективное проявление идентичности в проекции государства или народа, или всё же приоритет индивидуальной идентичности в разрезе «я» и остальной мир? При этом надо отметить, что определение идентичности и есть проявление самосознания в контексте конкретного человека или народа, нации в целом. В этой связи необходимо отметить, что именно с вхождением в эпоху независимости процессы идентификации стали углубляться, расслаивая общество на различные сообщества и слои, тем самым создавая некоторую угрозу для определения целостности народа

и государства, его представляющего. В этой связи очень важно обратиться к традиционному миропониманию, чтобы получить толчок для обретения нового «я» народа для осуществления преобразований в контексте независимого государства Кыргызстан. Это закономерный процесс, поскольку в периоды кризисов обращение к архетипическому является подсознательным выбором народа в поисках ответов на всё новые и новые вызовы истории. В этом случае происходит пересечение таких концептов, как историческое наследие, исторические традиции с современной эпохой как проекций новой исторической ситуации. Национальное самосознание же выступает критерием восприятия нового, детерминирующим формирование ответа в пределах общества и государства.

Историческое время – это не только отсчёт времени жизни, в более глубоком значении – это разворачивание сути бытия в контексте эпох, которые не только разделяют периоды существования или развития, но в совокупности раскрывают существо человека в его принадлежности к тому или иному народу. Вместе с тем есть ещё один важный аспект исторического времени – когда оно подводит человека, народ или человечество к пониманию смысловых значений своей данности. И сейчас, в период повсеместного шторма глобализации, низводящей жизнь человека до универсальных стандартов бытия, особо остро стоит вопрос о возможности и необходимости сохранения каждого отдельного народа, большого и малого, в надежде сохранить соцветие культур как достояние человеческой цивилизации.

Идентификационный кризис затрагивает глубинные основы самосознания и самопредставления личности, тем самым способствуя сегментированности политической, этнической, религиозной культур. Различные формы идентичности образуют некую систему, в которой на первый план выступает одна из них как доминанта в определении существа человека в контексте единого государства. Тем самым логичным видится определение идентичности как отношения: «Идентичность есть не свойство, а отношение. Отсюда следует её открытость и подвижность» [3]. Ориентация на унификацию

в контексте глобального единства обусловила возрождение архетипического на ментальном уровне. В настоящее время развитие этнических и национальных структур можно представить в единстве двух взаимосвязанных процессов: стремление включиться в глобальный мир способствует восприятию универсальных ценностей, вместе с тем кризис идентификации породил всплеск традиционных культурных ценностей. Вторая тенденция на уровне государства приобрела характер противоречивого процесса развития самосознания. Соответственно, те искания, которые проявляются в нашей республике и ориентированы на ретрансляцию духовных ценностей, не являются чем-то неординарным, а, скорее, подчёркивают общность процессов развития мира. Критерием качества взаимосвязи этих процессов мыслится ментальная культура.

Ментальные основания – концепт, который центрирует формирование мировоззрения народа. Так было в период образования этносов, впоследствии – наций, так есть и сейчас в эпоху высоких технологий. Это означает, что именно ментальные основания диктуют правила жизни как в обществе, так и в государстве, несмотря на изменение контекста течения истории с её эпохами как понятиями, проводящими разделение временных этапов исторического существования. И глобализация с её универсальными ценностями и принципами бытия, несмотря на обозначение в качестве объективной тенденции истории, не в состоянии разрушить различие ментальных оснований.

В данном случае игнорирование специфики менталитета лишь усложнит процесс адаптации в глобальном мире. Ориентир на учёт своеобразия менталитета позволит более адекватно проводить изменения, которые будут не противоречить нахождению своего места в глобальном мире, а скорее способствовать более гармоничному восприятию народа. Не случайно китайские философы следующим образом представляли тактику управления: «Ган Лун сказал: “Я слышал, что совершенномудрый наставляет народ, не изменяя (обычаев), умный (добивается) хорошего управления, не изменяя законов. Тем, кто наставляет народ, сообразуясь с его желаниями, успех будет достигнут без труда; у того, кто

(добивается) хорошего управления, придерживаясь (установившихся) законов, чиновники опытные, а народ пребывает в спокойствии. Ныне, если вы измените законы и не будете следовать старым (порядкам) Циньского государства, измените ритуал и станете (по-иному) наставлять народ, я опасаясь, что Поднебесная осудит вас, государь. Хочу, чтобы вы разобрались в этом” [4]. Подобная философия управления исходит не только из знания ментальных оснований культуры, но и использования их в мудром руководстве.

Специфика развития современности.

Мир современности раскрывается в контексте глобальных перемен, не замечать которые не представляется возможным. Технологический прогресс выступает основной канвой существования на данном историческом этапе. Не случайно XXI столетие провозглашено веком высоких и энергоёмких технологий. Одновременно с такой трактовкой современности имеет смысл акцентировать внимание на центральной категории, вокруг которой и был выстроен мир прогресса. Такой категорией, получившей своё начало в древнегреческой культуре, была рациональность как образ мышления и проецирования существа человека вовне. Столетие за столетием внимание к феномену разума росло и в XVII веке достигло формы классического рационализма. Знаменитое декартовское изречение «я мыслю, следовательно, я существую» [5] нашло своё отражение в антропоцентрическом отношении к окружающему миру. Это стало переломным моментом в восприятии и трансляции рациональности как парадигмы мышления, согласно которой выстраивалась позиция человека как завоевателя. С этого периода прогресс как естественное следствие антропоцентрической позиции человека к миру стал набирать небывалый оборот. Тогда же случился поворот в сознании человека, когда прежде наполненная духовностью рациональность сменилась на воинствующий рационализм, представляющий человека властелином Вселенной. Следующие столетия стали демонстрацией силы человеческого разума, поправшего принцип гармоничного отношения к природе. Это стало истоком впоследствии развернувшегося кризиса рациональности как типа мышления. Покаяние природы, человек стал

проецировать не духовность, а усложняющийся процесс материальных ценностей.

Рациональность из категории превратилась в принцип существования как покорения, который распространился и на социально-историческое бытие. Реализацией социальной формы рационализма представляется тезис Гегеля о детерминации жажды признания в формировании межгосударственных отношений. В связи с этим показательным изречением Ф.В. Гегеля о том, что общественное движение и есть борьба за признание [6]. Тем самым контекстом борьбы за существование в социальном разрезе стал всё тот же прогресс, ориентированный на покорение. Жажда социально-политического признания стала основанием для представления силы как основного, а временами единственного орудия в межличностных, межкультурных, международных, межгосударственных отношениях. Межгосударственные связи стали проекцией демонстрации силы. В этом случае антропоцентрическая позиция человека в мире получила новую транскрипцию – жажды признания себя наравне с другими: так государства стремились отражать процесс поиска своей ниши в мировом пространстве. В особых случаях такое стремление сопровождалось жадной жаждой признания своей исключительности. Это стало ключевой точкой в создании империй. При этом надо отметить, что и в этом случае не самую последнюю роль сыграли ментальные основания, которые либо способствовали, либо препятствовали проявлению имперского сознания.

Жажда признания как следствие доминанты рационального, как образа мышления с течением исторического времени достигла состояния неприятия другой позиции. Закономерным следствием подобной политики государств, равно как и модели существования человека, стал кризис в восприятии, понимании и обосновании мира и места человека в нём. Усиление этого кризиса стало логическим следствием потери рациональностью духовной компоненты. Об этом неоднократно говорили философы. Наиболее аргументированным взглядом на этот процесс стало мнение Э. Гуссерля о сбившемся с пути рационализме, когда духовность как его наполнение отошла на задний план. Этим и определялся

кризис конца XIX века. Э. Гуссерль, как представитель абстрактной философии, выходом из столь сложной ситуации объявил создание чистых наук о духе как обновлённом наполнении философии: «Наш окружающий мир есть духовное образование внутри нас и нашей исторической жизни. Для того, кто избрал своим предметом дух как таковой, нет поэтому никаких оснований требовать для этого мира иного объяснения, кроме чисто духовного» [7]. Именно поэтому, по его мнению, в Древней Греции сформировался «тип духовной структуры, быстро развивающейся в системно замкнутую культурную форму – философию. Наряду с этим возникает – сначала внутри этого народа – дух универсальной культуры, вовлекающий в свою сферу всё человечество, и начинается непрерывное развитие в форме новой историчности» [7, с. 302]. Как отмечалось выше, первый сбой произошёл в XVII веке и повлёк за собой изменение смысловой направленности человеческой сути. В итоге и начали возникать кризисы, которые сам человек по незнанию интерпретировал в духе цивилизационности.

Такие проявления искажения позиции человека, как ярко выраженный индивидуализм, прагматизм и космополитизм, стали логическим следствием противоречивости этого пути. При этом неправоммерно было бы утверждать, что весь пройденный путь был ошибкой. На этом пути было достигнуто невероятно много значительного как в историко-социальном, так и духовно-культурном плане, не говоря о рациональном и технико-технологическом. Однако абсолютизация всего рационального привела к тупику, раскрывающую степень усталости западной цивилизации, которая на протяжении длительного времени лидировала в обозначении пути исторического развития человечества. Пройдённый путь был путём движения вверх по вертикали технологического детерминизма, когда всё новые и новые ступени покорения природы знаменовали собой всё более совершенный прогресс. Однако чрезмерная абсолютизация рационального типа мышления с неизбежностью привела к достижению предела, за которым человечество вынуждено будет восполнить пробел. Настаивание на доминанте исключительно

рационального с неизбежностью привела к дисбалансу в представленности человека как субъекта истории и дисгармонии в межличностных, межгосударственных отношениях в современности. В связи с этим актуализируется интуитивное как способность проникнуть во внутреннее существо человека и мира, приводя в баланс соотношение интуитивного и рационального.

Это позволяет говорить о том, что история рационального есть история движения человека и человечества по пути прогресса, отдельные вехи которого стали свидетельством не только достижений интеллекта, но и проявлением силы духа. Рациональность нашла свою реализацию в приоритете рационального образа мышления и ценностных ориентиров; специфике развития культуры; сосуществовании государств; системе образования и воспитания новых поколений, особенности принципов морали и культуры поведения и общения. Длительное доминирование рационализма как подхода в осознании человека и покорении мира наряду с небывалыми результатами прогресса с неизбежностью подошло к своему кризису. Самое существенное заключается в том, что рационализм, ставший залогом успеха XX столетия, испытывает кризис мысли. Это означает, что человечество подошло к эпохе актуализации других стандартов и парадигм мышления и существования. Контекст существования в XXI веке раскрывает массу проблем как следствие абсолютизации рационального. Тем самым поворот в человеческой истории неизбежен: пока это чисто теоретические рассуждения, время от времени поднимаемые философами, однако практический перелом истории также не за горами. И основной проблемой, требующей своего разрешения, выступает проблема ценностей.

Проблема ценностей в контексте рационализма. В истории человеческой цивилизации парадигма мышления традиционно центрирует направления взаимосвязи человека и бытия, способствуя формированию системы ценностей на каждом этапе исторического пути. Рассмотренная выше рациональность как тип западного образа мышления стала основанием в выработке универсальной системы ценностей, на протяжении определённого времени ставшей критерием

восприятия мира и самого человека. Практической реализацией рационализма как типа мышления стал ярко выраженный антропоцентризм, детерминирующий создание системы ценностей. Тем самым ценности, основанные на рациональности как парадигмы мышления, сформировали прагматичный подход ко всему и всем.

Динамичный характер ценностей время от времени с необходимостью провоцирует процесс переоценки ценностей, который свидетельствует о кризисе и востребованности нового подхода в их формировании. Результатом такого кризиса является потребность в обновлении изживших себя ценностных ориентиров. Переоценка ценностей в первую очередь стимулирует переоценку самого места ценностей в структуре человеческого существования. В этом отношении стратегически выглядит мысль С. Хантингтона о том, что в конце XX века культура является истоком будущих конфликтов, поскольку культурные особенности менее подвержены изменениям, нежели экономические и политические особенности, оттого и решить их гораздо сложнее [8]. Это свидетельствует о том, что культурные основания заключают в себе ответы на многие вопросы, находящиеся в плоскости не только общественного развития, но и шире – в контексте политического бытия. В этом случае знание своих культурных оснований позволит более ясно выразить свою целостность в контексте государства. Стратегически выверенная расстановка акцентов в обозначении культурных оснований позволит выработать идеологию как стратегию, направленную на сохранение национальных интересов государства.

Такой подход отражает смещение акцентов в восприятии мира. Это является следствием историчности течения времени, когда понятие эпохи заключает в себе особый смысл, делая акцент на ситуативности времени и пространства как контекста существования человека и человечества. В этой связи логичным выглядит выдвигание вперёд понятия ситуативного времени (Х. Ортега-и-Гассет), поскольку «сущность или характер исторической эпохи – результат как внутренних перемен в человеке и в его духе, так и внешних перемен, формальных» [9], поэтому реализация свободы выбора породила

образ данного времени. Как отмечалось выше, в периоды кризисов и смены веков наиболее востребованным понятием становятся истоки, стимулирующие ответ народов, обществ, культур, государств, систем. Следствием актуализации истоков становится интерес к традиции в контексте возрождения безусловных для народа ценностей. Как утверждает исследователь Е.Ю. Грузнова, «понятие «самобытности» используется прежде всего для обозначения определённости общества, вытекающей из общности и своеобразия его культурных характеристик и исторического опыта» [10]. Традиционное общество отражает исторический первоначальный пласт в развитии обществ, когда закладываются основы ментальной культуры, соответственно, он, по образному выражению Н. Бердяева, и есть «историческое предание», предвосхищающее последующее движение народа в истории [11]. Историческое предание сложно переоценить, поскольку оно воплощает в себе синтез всех особенностей культуры, благодаря которым и существует тот или иной народ как определённая целостность и индивидуальность.

Современная эпоха демонстрирует процесс естественной смены ценностных ориентаций человека в связи с кардинальным переходом в обозначении человеком своей позиции в мире: скольжение по исторической плоскости вместо погружения в глубь эпохи. Основным контекстом развития человечества стал распад онтологического единства мира, некогда служивший незыблемой основой существования. Современный мир – это уже распавшееся целое. К. Манхейм не случайно утверждал, что в том, «что наше общество серьёзно больно, сомнений нет» [12]. Традиционно онтологическое основание становится базой для формирования познавательной функции. Это означает, что обозначению подлежит субъектность человеческой сущности, которая и осуществляет собственно восприятие, понимание и познание мира. В этой связи кардинальным изменением видится смещение акцента с понятия верховного разума на сосуществование политических разумов. Тем самым усиливается феномен отчуждения. По мнению некоторых философов, современная ситуация отражает естественную смену бытующих

ценностей на новые – так называемые разотчуждённые общественные ценности.

Современность выдвинула понятие разорванного сознания как следствие его имплозии. В данном случае некогда концептуальная значимость интенциональности сознания вовне, о чём говорил И. Кант, отходит на второй план, акцентируя внимание на противоречивости сознания, направленной на самого себя (если у Г. Зиммеля противоречие возникает между субъективным духом и объективными формами, то в настоящем это противоречие внутри самого сознания как субъекта мысли). Сознание человека стало разорванным, в результате чего фрагментарность предстала нормой восприятия мира и его воспроизведения в ценностных ориентациях. По Ж. Бодрийяру, «каждая конфигурация ценности переосмысливается следующей за ней и попадает в более высокий разряд симулякров. Каждый новый порядок симулякров подчиняет себе предыдущий» [13]. Феномен метафизического одиночества наполняется новым смыслом, сопровождая человека не только в моменты прихода в этот мир и ухода из него, но и на протяжении всего общественного существования. Тем самым отчуждение из проблемы превратилось в феномен, отражающий существо современной эпохи.

В социально-культурной сфере приоритет отдан общепринятым стереотипам мышления, нормам и стандартам поведения, а также абсолютизации универсальных ценностей, поглощающих многие системы традиционных духовных ценностей народов. Культура в обыденном значении превращается из способа самовыражения в механизм самореализации, обуславливая те самые стереотипы мышления, когда «критерием того, что делает индивид, служит успех, который в конечном итоге определяет продолжение или устранение его деятельности» [14]. При этом «внутреннюю позицию человека в этом техническом мире называют деловитостью. От людей ждут не рассуждений, а знаний, не размышлений о смысле, а умелых действий, не чувств, а объективности» [14, с. 551–552]. Одновременно с этим растёт количество людей, занятых поиском группы комфорта, поскольку стереотипы мышления и стандарты поведения не в состоянии заменить исконно духовное пространство.

Кыргызстан в контексте развития современного мира. Тенденции развития глобального мира с необходимостью отражаются в развитии отдельных государств, одним из которых выступает Кыргызстан. Время исторических катастроф наполнено не только энергией разрушения, но в равной степени и энергией созидания, причём созидания поистине глобального по своим масштабам и действию. Это означает, что шанс, который представился Кыргызстану в конце XX века – шанс обретения своей независимости, не использован по максимуму в силу неведения ли, нехватки потенциала или способности, неумения в нужное время и в нужном месте воспользоваться дарованной возможностью. На что имеет смысл сделать акцент для сохранения мачты от шквального ветра перемен? На расширение сознания, на активацию интуиции как способа почувствовать веяния исторического времени и найти ответ – экзистенциальное решение для продолжения жизни.

В кризисные периоды развития актуализируются культурно-исторические архетипы как ретрансляция исторического наследия. Не случайно в периоды кризисов обостряется инстинкт самосохранения, отсылающий человека и народы к ре-интерпретации архетипического в надежде найти ответы на сонм вопросов о собственной уникальности, способной мотивировать на продолжение исторического пути. И именно в это время актуализируются идеи философов, стремящихся как проникнуть в историко-культурное наследие для поиска ответов на вопросы о возможном возрождении народа в кризисной ситуации, так и предвосхитить тенденции развития ближайшего будущего. Говоря словами Н. Бердяева, «историческое предание есть нечто большее, чем познание исторической жизни, потому что в символическом предании раскрывается внутренняя жизнь» [11]. Историческое предание предшествует началу исторического бытия, именно поэтому так важно каждому народу знать своё предание во избежание возможности быть перетёртым между жерновами истории. Это особенно важно в период, который очень тонко обрисовал В. Дильтей, говоря, что «подавленная непрерывной сменой впечатлений, превратностями судьбы и силой

внешнего мира, душа должна стремиться к внутренней устойчивости, чтобы быть в силах этому противостоять, и ... она обращается к более долговечным оценкам жизни и твёрдо поставленным целям» [15].

Традиционное общество есть некая центрирующая систему ментальной культуры сила, которая с необходимостью должна обновляться в соответствии с запросами исторического времени. Это означает, что необходимо акцентировать внимание на тех символах, без которых невозможно существование народа как некой особой целостности. Стратегия развития государства будет в той мере адекватной и нацеленной на успех, в какой будут использоваться архетипы культуры в контексте современного глобального мира. В этой связи актуальной выглядит мысль К. Юнга: «Отыскать новое и отвечающее своему уровню истолкование архетипов, чтобы связать всё ещё присутствующую в нас жизнь прошедшего с современной жизнью...» [16]. В этом случае сохраняется диалектика развития как обозначение своей индивидуальности на фоне понимания общей направленности движения истории.

В случае с Кыргызстаном понимание специфики ментальной культуры кыргызов позволит понять, отчего модернизационные процессы в новейший период пока не привели нас к устойчивому успеху. Существующая традиционная система мышления включает характерные особенности отношения к природе, человеку, миру вообще. Имеет смысл сосредоточить внимание на тех характеристиках мышления, которые формируют социальные связи человека. В этом отношении необходимо говорить о диалектике свободы и привязанности к роду. *Свобода* – проекция кочевого сознания – сохранена у нас на уровне подсознания, поэтому находит своё отражение в различных общественных катаклизмах, нарушающих органичное существование в этом мире. Вместе с тем ещё одной проекцией того же кочевого образа жизни, которая также сохранена на протяжении столетий развития, выступает и родовое сознание, в истории имеющее глубоко позитивный смысл в контексте противостояния природным и социальным катаклизмам. В этом смысле акцент с деления необходимо

перенести на состояние (кыргызы не делились на рода, они состояли из родов). В современной суверенной истории родовое сознание претерпело некоторые изменения и в некоторых случаях обрело негативный оттенок в контексте политического бытия.

Однако при всём при этом оно существует и с этим необходимо считаться. Соответственно, имеет смысл перевести акцент на *контекстуальность* мышления. Это означает, что, пропагандируя демократию как форму управления и демократические ценности как прогрессивные, надо фиксировать не индивидуальность восприятия, а контекстуальность. Перенесение акцента на *солидарность* как ценностную установку позволит негатив родового сознания перевести в позитив коллективного восприятия. Солидарность в данном случае – это одна из идеологических точек пропагандирования демократических ценностей. Союз свободы и солидарности может быть отражён в актуализации ценности «*жетимата*» как акцент на исторической преемственности поколений. Эту ценность необходимо преподносить в контексте образования и формирования поведенческой культуры в обществе как некий моральный посыл, культуру поведения в обществе.

Терпимость как норма мышления благоприятно воздействует как на создание благой атмосферы в обществе в целом, так и в отдельных организациях и сообществах как пропаганда приоритетного образа поведения. Следствием терпимости выступает и *гостеприимство* как проявление широты души, которое также способствует благому поведению.

Ещё одной характеристикой традиционного мышления является *конкретность*. Это позволяет предположить, что определённые нормы поведения должны быть прописаны конкретно для лучшего восприятия их со стороны граждан.

Основанием всей традиционной системы ценностей выступает приоритет духа (*кут*), вместе с тем использование *духовности* как одной из черт мышления для органики существования общества в целом вполне уместно и востребовано. Это означает, что она должна рефреном проходить через все ступени системы образования, да и впоследствии как норма поведения

человека в обществе, когда мотивы поступков в жизни и на работе должны быть продиктованы именно приоритетом духовной позиции человека в мире. Для того чтобы это вошло в традицию, необходимо очень тонко проставлять акценты в контексте идеологического воспитания личности.

Рассмотренные характеристики образа мышления кыргызов являются только малой частью системы ценностей, которые выходят на первый план при раскрутке схемы «человек и общество». Это означает, что основные параметры системы ценностей можно проецировать по блокам взаимосвязей человека с миром.

Заключение. История существования человечества представляется как диалектический процесс смены эпох, каждая из которых разворачивает преемственную нить истории, исходя из специфики понимания смысла бытия и самого человека. В контексте исторического бытования каждая историческая эпоха отмечена вызовами истории. Как утверждает А. Тойнби, «история существует там и только там, где есть время, и в основе истории лежит взаимодействие мирового закона – божественного Логоса и человечества, которое каждый раз даёт Ответ на божественное Вопросание, выраженное в форме природного или какого-либо иного Вызова» [17]. Это означает, что ответ человечества на каждой новой ступени истории продиктован индивидуальным уровнем понимания ситуации, интерпретации её в соответствии с общепринятой системой ценностей. Каждый новый век в истории человеческой цивилизации определяет ориентиры развития, которые разворачиваются по мере продвижения в глубь столетия. XXI век до настоящего времени мыслится логическим продолжением информационной эры, основанной на технологическом детерминизме. Вместе с тем не бывает так, чтобы новый век, новая эпоха не внесли своей специфики в раскрутку смысла истории. Эта особенность эпох отражается в трансформации ценностей, которые проецируют образование новых концептов, новых триггеров, стимулирующих развитие человека и, как следствие, формирование направлений движения мысли и ответов на возникающие проблемы и противоречия.

Смена эпох стимулирует интерес к историко-культурным истокам для получения мотивации в движении вперёд. Противоречия бытия детерминируют ощущение достижения рубежа в развитии мира, несоизмеримого по своей глубине и масштабам осознания с предшествующими рубежами исторических эпох [14]. Онтологическая субстанциональность истоков духовного в каждую эпоху истории обретает характерную форму проявления. В этом отношении необходимость исторического обращения к культурному наследию predetermined интуицией целостности человеческого существования. В настоящее время эта целостность нарушена, тем самым архетипы актуализируются в сознании, детерминируя формы освоения новых ценностей.

Теоретическая разработка ценностей, основанных на специфике ментальной культуры кыргызов, не будет иметь особого значения, если они не будут преломлены на практике социальной реальности, т. е. в контексте независимого государства. В этой связи выступающие критерием взаимосвязи человека и мира ценности народа с необходимостью должны быть вплетены в стратегию развития государства. Это и выступает ответом на вызовы истории. При этом важную роль играет способность соотносить индивидуальное развитие с общемировым контекстом, когда учитывается особенность исторического времени. Общность исторического пространства выступает тем общезначимым фактором, который формирует ценностные ориентиры эпохи. Однако это не является препятствием для индивидуальной транскрипции исторического в пределах отдельной культуры или отдельного государства. Кыргызстан будет обречён на успех в случае диалектического соотношения общего и особенного, что обусловит использование принципа системности в процессе формирования своего ответа на вызовы истории.

Поступила: 09.10.2024;

рецензирована: 23.10.2024; принята: 25.10.2024.

Литература

1. *Старостин А.М.* Новая философия глобального мира: проблемная репрезентация / А.М. Старостин. М.: ООО Минитайп, 2021. 234 с.; *Яковец Ю.В.* Эпохальные инновации

- XXI века / Ю.В. Яковец. М.: Экономика, 2004. 444 с.; *Чумаков А.Н.* Глобализация. Контуры целостного мира / А.Н. Чумаков. 3-е изд. М.: Проспект, 2023. 456 с.; *Carothers T.* Aiding Democracy Abroad: The Learning Curve / Т. Carothers. Washington, DC: Carnegie Endowment for International Peace, 1999. 412 p.
2. Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля. М.: Весь мир, 2023. 517 с. Идентичность и диалог культур в эпоху глобализации: материалы Международной научно-практической конференции. Бишкек: Изд-во КРСУ, 2007. 240 с.; *Корниенко О.Ю.* Эволюция национальной идентичности в контексте глобализации / О.Ю. Корниенко // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3. Обществ. науки. 2019. Т. 14. № 4 (194). С. 175–187.; *Мухаев Р.Т.* Глобализация и кризис национальной идентичности: в поисках новых форм репрезентации / Р.Т. Мухаев // PolitBook. 2020. № 4. С. 78–100.; *Токтосунова А.И.* Этнокультурная идентичность и диалог в условиях глобализации / А.И. Токтосунова. Бишкек: КРСУ, 2007. 305 с.; *Молдобаев К.К.* Этносоциальная память, идентичность и глобализация / К.К. Молдобаев. Бишкек: Мегамедиа, 2005. 302 с.
 3. *Малахов В.* Символическое производство идентичности и конфликт // Идентичность: поиск, производство и воспроизводство / В. Малахов. Бишкек: Фонд «Сорос-Кыргызстан», 2005. 296 с. С. 12.
 4. *Рыков С.Ю.* Древнекитайская философия: курс лекций / С.Ю. Рыков. М.: ИФ РАН, 2012. 312 с. С. 14.
 5. *Декарт Р.* Рассуждение о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках / Р. Декарт; пер. с лат. М.: Академический проект, 2011. 655 с. С. 233.
 6. *Гегель Г.В.* Феноменология духа / Г.В. Гегель. СПб.: Наука, 1992. 497 с. С. 241–242.
 7. *Гуссерль Э.* Кризис европейского человечества и философия // Культурология. XX век: Антология / Э. Гуссерль. М.: Юрист, 1995.
 8. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. М.: АСТ, 2003. 603 с. С. 24.
 9. *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс / Х. Ортега-и-Гассет // Вопросы философии. 1989. № 4.
 10. *Грузнова Е.Ю.* Современность и традиции // Диалог цивилизаций: Восток – Запад / Е.Ю. Грузнова. М.: РУДН, 2006. 482 с. С. 156.
 11. *Бердяев Н.А.* Смысл истории / Н.А. Бердяев. М.: Мысль, 1990. 273 с. С. 20–22.
 12. *Манхейм К.* Диагноз нашего времени // Избранное: Диагноз нашего времени / К. Манхейм. М.: Изд-во «РАО Говорящая книга», 2010. 744 с. С. 541.
 13. *Бодрийяр Ж.* Символический обмен и смерть / Ж. Бодрийяр. М.: Добросвет, 2000. 387 с. С. 43, 122.
 14. *Ясперс К.* Духовная ситуация времени // Мир философии. Ч II / К. Ясперс. М.: Политиздат, 1991. С. 288–418, 548.
 15. *Дильтей В.* Типы мировоззрения и обнаружение их в метафизических системах // Культурология. XX век: Антология / В. Дильтей. М.: Юрист, 1995. С. 216–229.
 16. *Юнг К.Г.* К пониманию архетипа младенца // Самосознание европейской культуры XX века: Мыслители и писатели Запада о месте культуры в современном обществе / К.Г. Юнг. М.: Политиздат, 1991. С. 119–130.
 17. *Тойнби А.Дж.* Постигание истории / А.Дж. Тойнби. М.: Прогресс, 1991. 736 с. С. 8.